

Уоллес Льюис

Во дни оны: (Бен-Гур)

Повесть из первых лет христианства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л91

Л91 **Льюис У.**
Во дни оны: (Бен-Гур): Повесть из первых лет христианства / Уоллес Льюис – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 318 с.

ISBN 978-5-519-78289-0

ISBN 978-5-519-78289-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

испуганныя овцы, мычали коровы, блеяли козы. Смятеніе и толкотня все увеличивались.

Новоприбывшій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту безпорядочную суматоху; замѣтно было, что онъ начинаетъ тревожиться. Соляце уже зашло; скоро наступитъ холодная ночь... Неужели придется ночевать подъ открытымъ небомъ?

— Я пойду и узнаю, что тутъ такое! сказалъ онъ, обращаясь къ своей спутницѣ.

И, оставивъ ее, онъ протѣснился къ воротамъ, гдѣ сидѣлъ привратникъ подъ развѣсистымъ кедромъ.

— Миръ тебѣ! сказалъ ему незнакомецъ.

— И тебѣ также, добрый человѣкъ! отвѣчалъ тотъ не двигаясь.

— Я—уроженецъ Виѣлеема, Іосифъ, и пришелъ сюда по указу римскаго цезаря, чтобы участвовать въ переписи. И я самъ, и жена моя, Марія—изъ рода Давидова; этотъ самый домъ былъ когда-то домомъ старца Іессея и сыновей его; здѣсь родился славный нашъ праотецъ. Мы ищемъ пріюта въ домѣ отцовъ нашихъ.

Привратникъ всталъ и низко поклонился. Во всей Іудеѣ чтили память Давида, но нигдѣ она не была такъ священна, какъ на родинѣ его, въ Виѣлеемѣ.

— Привѣтствую тебя, почтенный мужъ, промолвилъ онъ. — Что я могу сказать тебѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ домъ этотъ впервые отверзъ свои двери странникамъ, никто не стучался въ нихъ напрасно—тѣмъ болѣе потомокъ великаго царя. Но что дѣлать, если нѣтъ мѣста? По случаю указа о переписи народу собралось столько, что весь Виѣлеемъ не въ

состояніи его вмѣстить, а вчера еще пришелъ караванъ изъ Дамаска, идущій въ Аравію и нижній Египетъ. Вся ограда загромождена тюками товаровъ и переполнена верблюдами. Пойдемъ со мною; ты самъ увидишь, что ни въ домѣ, ни во дворѣ, ни въ оградѣ нѣтъ ни одного свободнаго мѣстечка!

— Я прошу не для себя, настойчиво возразилъ Іосифъ. — Мнѣ самому все равно, гдѣ ни провести ночь.

— Васъ только двое? спросилъ привратникъ, какъ бы что-то соображая.

— Да, — отвѣчалъ Іосифъ.

— Тѣмъ лучше: я не оставлю васъ ночевать подъ открытымъ небомъ, рѣшительно сказалъ привратникъ. — Идите скорѣе, солнце уже сѣло, а ты самъ знаешь, какъ скоро наступаетъ ночь въ это время года.

— Да благословить тебя Всемогуцій Богъ! радостно воскликнулъ Іосифъ и поспѣшилъ къ Маріи.

Когда они приблизились къ воротамъ, привратникъ почтительно поклонился.

— Привѣтъ Тебѣ, дочь Давидова, сказалъ онъ, увидавши Марію. — Благословеніе Всевышняго надъ Тобою!

И, привѣтливо приблизившись къ Ней, онъ взялъ за поводъ Ея осла и пошелъ впередъ, сказавши Іосифу:

— Слѣдуй за мною!

Они миновали ворота, узкій мощный камнемъ проходъ, внутренній дворъ хана, который былъ до такой степени запруженъ народомъ, что едва можно было протискаться сквозь его сплошную толпу, и

другимъ выходомъ выбрались на противоположную сторону хана, въ ограду; и здѣсь было такъ же тѣсно, и здѣсь ихъ проводникъ не остановился, но шелъ все дальше, прямо въ сѣрой скалѣ, къ которой при- мыкало огороженное пространство.

— Ты ведешь насъ въ пещеру? сказалъ Иосифъ.

— Да, отвѣчалъ привратникъ и, обращаясь къ Маріи, прибавилъ: — въ эту пещеру укрывался со своими стадами Твой праотецъ, Давидъ, когда еще былъ пастухомъ, а когда онъ сдѣлался славнымъ царемъ, то любилъ иногда пріѣзжать въ старый домъ, пожить здѣсь и подышать горнымъ воздухомъ, и тогда съ нимъ пріѣзжала многочисленная свита, и въ пещерѣ помѣщались тучные бараны для царскаго стола, кони и верблюды царедворцевъ и прислужниковъ. Ясли и до сихъ поръ уцѣлѣли. Тамъ тепло, и вамъ будетъ лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Путники были совершенно съ этимъ согласны. Они были простые и бѣдные люди, съ самыми скромными привычками, потомки пастушескаго народа, и жили въ странѣ, гдѣ пещеры были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. А потому ихъ только радовала возможность пріютиться въ тепломъ мѣстечкѣ, хотя до сихъ поръ оно и служило пріютомъ животнымъ. Къ тому же, все связанное съ воспоминаніями о славномъ царѣ было для нихъ дорого и священо, стало-быть и эта пещера. Приблизившись къ скалѣ, гдѣ находилась пещера, они съ удивленіемъ увидели маленькій, узенькій домикъ безъ оконъ и съ одной дверью, точно прилѣпившійся къ ея каменной стѣнѣ.

Но, когда проводникъ помогъ Маріи сойти съ ослѣ и отворилъ эту дверь, оказалось, что домикъ существовалъ только для виду и скрывалъ отверстіе въ довольно большую натуральную пещеру, аршинъ восемнадцати длиною, шести шириною и пяти вышиною. Свѣтъ догорающаго дня проникалъ туда въ открытую дверь и смутно освѣщалъ неровный каменный полъ съ наваленными тамъ-и-сямъ охабками сѣна и соломы, кое-какую хозяйственную утварь и каменную посуду. Вдоль стѣнъ виднѣлись низенькія каменные ясли, безъ всякихъ перегородокъ, приспособленные для овецъ. Паутина свѣшивалась сѣрыми хлопьями съ каменнаго потолка, но въ пещерѣ было и тепло, и чисто.

— Войдите, сказалъ привратникъ, — и расположитесь здѣсь. На полу много сѣна и соломы; холодь ночи сюда не проникаетъ, когда дверь затворена. Это все, что я могу вамъ предложить. Миръ вамъ!

Съ этими словами онъ ушелъ и затворилъ за собою дверь, а они начали устраиваться на ночлегъ.

Въ самомъ ханѣ и въ оградѣ еще долго продолжались смятеніе и суматоха. Но, когда настала священный для всякаго еврея девятый часъ — часъ, когда совершается жертвоприношеніе, и самъ Іегова незримо присутствуетъ въ Іерусалимскомъ храмѣ — все стихло; каждый еврей набожно сложилъ руки и углубился въ молитву, обратившись лицомъ въ сторону святыни. Затѣмъ все снова заволновалось и зашумѣло; всѣ заспѣшили кончить вечернюю трапезу и улечься спать, и черезъ какой нибудь часъ всѣ огни были потушены, и все спало глубокимъ сномъ.

II.

Къ юго-востоку отъ Виелеема, у подножія гряды холмовъ, простиралась зеленая равнина. Холмы прекрасно защищали ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и потому даже и въ зимнее время здѣсь зеленѣли трава и кустарники, привлекавшіе окрестныя стада. Съ незапамятныхъ временъ стояла тутъ, подъ защитой скалъ, огромная, полуразрушенная овчарня, отъ которой уцѣлѣла, главнымъ образомъ, ограда, вышиною въ человѣческій ростъ, сложенная изъ грубаго камня и обсаженная изнутри сплошною стѣною непроходимаго колючаго кустарника. Когда-то была здѣсь и хижина для пастуховъ; но бури давно разметали и снесли ея кровлю, и вся она имѣла видъ одной сплошной развѣлнны. И все-таки пастухи ухитрились жить здѣсь; главной ихъ заботой была безопасность ихъ стадъ, которыхъ надо было прокармливать днемъ и оберегать ночью отъ дикихъ звѣрей, водившихся во множествѣ въ сосѣднихъ долипахъ и ущельяхъ.

Пастухи іудейскіе были люди, дикіе видомъ, но простые и чистые сердцемъ, и вели самую суровую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благочестивую жизнь. Ходили они зиму и лѣто съ непокрытыми головами и обнаженными руками, одѣвались въ козлиныя и овечьи шкуры, мѣхомъ наружу, и ихъ косматые головы и бороды казались такимъ же густымъ и всклокоченнымъ мѣхомъ, какъ шкуры, служившія имъ одеждой; кромѣ того, они носили грубые кожаные сандалии и пояса, и были вооружены тяжелыми крючковатыми посо-

хами и пращами. И, не смотря на свой суровый видъ, то были самые смиренные, добродушные люди во всемъ краю, и тѣсная связь съ природой, среди которой они проводили свою жизнь, невольно приближала ихъ къ Богу, Творцу всего видимаго и невидимаго, и заставляла любить Его всемъ сердцемъ, безхитростно и горячо, какъ любятъ дѣти.

Днемъ они блуждали по зеленой равнинѣ со своими стадами, ночью загоняли ихъ въ ограду, зажигали большой костеръ у входа и поочередно сторожили, одинъ за другимъ, пока остальные товарищи спали.

Такъ было и въ эту ночь. Загнавши свои стада, семеро пастуховъ усѣлись вокругъ ярко пылавшаго костра, разложеннаго у входа въ ограду, и принялись за свой скудный ужинъ. Насытившись, они потолковали немножко между собою и отправились спать одинъ за другимъ. Первая стража ночи еще не успѣла придти къ концу, какъ шестеро изъ нихъ уже спали глубокимъ сномъ внутри ограды, а седьмой, оставшійся сторожить, закутался поплотнѣе въ толстый плащъ, накиннутый поверхъ остальной одежды, и ходилъ взадъ и впередъ мимо костра, поглядывая на небо, усѣянное крупными звѣздами. Ночь была холодная, какъ обыкновенно бываютъ зимнія ночи въ этой горной странѣ; костеръ слегка потрескивалъ, посылая яркія искры къ темному небу; голодный шакалъ вылъ гдѣ-то въ горахъ. Красное пламя освѣщало только небольшое пространство да кусокъ каменной стѣны; все остальное тонуло во мракѣ. Время тянулось ужасно долго для прозяб-

шаго сторожа; онъ не могъ дожидаться полночи, когда его смѣнитъ другой товарищъ, и безпрестанно смотрѣлъ на звѣзды, по которымъ пастухи узнають время. Но вотъ, наконецъ, и полночь! Какъ сладко онъ заснетъ, пригрѣвшись около спящаго стада! Онъ уже собирался пройти въ ограду и разбудить очередного сторожа, какъ вдругъ остановился, пораженный серебристымъ сіяніемъ, разлившимся кругомъ. Луна была на ущербѣ; откуда же этотъ свѣтъ? А между тѣмъ онъ становился все ярче и ярче; скоро стало такъ свѣтло, что всѣ окружающіе предметы мало-по-малу выступили изъ мрака: вся окрестность стала ясно видна. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу изумленного пастуха; онъ поднялъ голову и остолбенѣлъ. Звѣзды исчезли въ потокахъ затопившаго ихъ свѣта; казалось, будто небо вдругъ разверзлось, и оттуда, изъ таинственной небесной глубины, льется неизъяснимое, ослѣпительное сіяніе.

— Братья! крикнулъ пастухъ въ ужасѣ. — Вставайте! Проснитесь!

Крикъ его разбудилъ не только людей, но и собакъ и стада. Собаки зарычали, овцы зашевелились, пастухи вскочили и схватились за свои посохи.

— Что случилось? слышались испуганные голоса.

— Небо горитъ! На небѣ пожаръ! въ ужасѣ закричалъ пастухъ.

Но тутъ испугавшій его свѣтъ засіялъ такимъ пестерпимымъ блескомъ, что всѣ они убоялись страхомъ великимъ и упали на колѣни. И въ яркомъ сіяніи, окруженный неизъяснимыми лучами, пока-

зался свѣтлоликій посланникъ небесъ, и прозвучалъ его вѣжннй, дивннй голосъ:

— Не бойтесь, я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ!

При звукѣ этого голоса, смиренные пастухи ободрились и каждый мысленно произнесъ:

— Это Ангелъ Божій!

— Нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь! продолжалъ Ангелъ, — и вотъ вамъ знакъ: вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ.

Небесннй голосъ умолкъ; но свѣтлое видѣнне еще стояло въ воздухѣ; длинныя бѣлыя одежды клубились, точно облако, освѣщенное солнцемъ, и широкія бѣлыя крылья не шевелились, поддерживая Ангела въ сіяющемъ пространствѣ. И вдругъ все оно подернулось розовымъ свѣтомъ и наполнилось трепетаньемъ безчисленныхъ крылъ: все небо ожило, исполненное свѣтлыхъ крылатыхъ образовъ; въ сіяющей вышинѣ явилось многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее:

— Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ мнръ, въ челоѡкахъ благоволенне!

Тутъ медленно развернулъ свои перламутровыя крылья посланникъ Господень, и вознесся въ высоту, утопая въ морѣ свѣта и неземного пѣння, и вмѣстѣ съ нимъ унеслись небесннй свѣтъ и небесное пѣнне, потухая и замирая въ недосыгаемой вышинѣ. Но долго еще звучалъ въ ухахъ пастуховъ радостннй гамнъ: Слава въ вышнихъ Богу!

Когда они, наконецъ, очнулись, небо было попрежнему темно и усыяно яркими звѣздами, окрестность попрежнему утопала во мракѣ. Пастухи переглянулись между собою и сказали другъ другу:

— Пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь!

И бросивши свои стада въ первый разъ въ жизни, твердо уповая, что Господь Самъ о нихъ позаботится, они поспѣшили въ Виѳлеемъ.

Въ городѣ всѣ спали, и они пришли къ хану, незамѣченные никѣмъ. И, осторожно пробираясь среди спящихъ людей, прошли они черезъ внутреннй дворъ и далѣе, черезъ ограду и, наконецъ, пришли къ пещерѣ.

Дверь домика, скрывающаго ея входъ, была отворена, и внутри мерцалъ огонекъ зажженного фонаря.

— Миръ тебѣ! сказали они Іосифу, поднявшемуся при ихъ входѣ съ соломы, на которой онъ спалъ. — Здѣсь ли Младенецъ, родившійся въ эту ночь?

При блѣдномъ свѣтѣ фонаря видно было, какъ измѣнилось всегда спокойное лицо Назарянина, подъ вліяніемъ охватившаго его душевнаго волненія. Онъ отвернулся и сказалъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Младенецъ здѣсь. Смотрите!

Онъ взялъ фонарь и подошелъ къ яслямъ. Пастухи подошли вслѣдъ за нимъ и увидѣли Новорожденнаго, запеленнаго Младенца, лежащаго въ ясляхъ.

Тогда пастухи упали передъ Нимъ на колѣни.

— Это Христось! воскликнули они благоговѣйно, и, не усумнившись ни на минуту, эти простые,

глубоко вѣрующіе люди распростерлись ницъ, преклоняясь передъ Младенцемъ. Они увѣровали въ Него сразу и, возставъ, вернулись съ радостью въ сердцѣ къ своимъ стадамъ, прославляя Бога.

III.

Черезъ десять дней послѣ этого по сихемской дорогѣ приближались къ Іерусалиму три путника, которые обращали на себя всеобщее вниманіе, не смотря на то, что въ Святой городъ много пріѣзжало народу со всѣхъ концовъ свѣта, и жители его насматрѣлись довольно чужеземцевъ. На пути всѣ смотрѣли на нихъ съ изумленіемъ и долго провожали ихъ глазами.

— Что за чудные верблюды! Какіе сладкозвучные колокольчики! восклицали многіе.

И дѣйствительно, такихъ огромныхъ, стройныхъ верблюдовъ, и притомъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, еще не видывали жители Іерусалима, и всѣхъ поражало богатство ихъ палатокъ и пурпуровой сбруи, увѣшанной серебряными колокольчиками. Но еще чуднѣе бѣлыхъ верблюдовъ и ихъ убранства показался слышавшимъ загадочный вопросъ, съ которымъ обращался ко всѣмъ встрѣчнымъ ѣхавшій впереди чужеземецъ.

— Добрые люди, спрашивалъ онъ звучнымъ, торжественнымъ голосомъ, поглаживая свою темную бороду, — добрые люди, не знаете ли вы, гдѣ родившійся Царь Іудейскій?

Всѣ смотрѣли на него съ недоумѣніемъ, и никто